
DOI 10.15826/qr.2015.2.100

УДК 94(47+57)+351.742+351.711-048.35

Алсу Бикташева

**ЖАНДАРМЫ И МОДЕРНИЗАЦИЯ МЕСТНОГО
УПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ
(ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ)¹**

Alsu Biktasheva

**GENDARMES AND THE MODERNIZATION
OF LOCAL RULE IN RUSSIA
(RESEARCH EXPERIENCE AND PROSPECTS)**

The article explores the historiography of the secret police in the Russian Empire. Revealing the approaches of historians to this subject, the methods and manner of their work with historical sources, the author demonstrates the negative consequences that were a result of political topicality and the concealing of information about the state. A review of historiographic heritage enables the author to cleanse the perception of the topic from a number of “quasi-evident facts” created at various times and under different circumstances. Additionally, she pays attention to the existence of a vast number of documents of the police department which can still be found in state archives. Special attention needs to be paid to those ones that contain the reflections of gendarme officers on professional ethics and duties. The author reveals documental evidence of conflicts of interest between the local administration and the police officers controlling its activity. The approach used by the author bears a non-conventional character which consists in the study of creation of these documents and their functions in the police department. Preliminary results enable the author to claim that these certificates can provide information not only about the sphere of impact and peculiarities of the secret police, but also about the ways of implementation of the political concept of a regular, well-organized state in 19th century-Russia and the ways of self-improvement of government.

Keywords: Russian empire; Third Section of H. I. M. Own Chancery; Corps of Gendarmes; management modernization.

Статья содержит анализ историографии тайной полиции в Российской империи. Выявляя подходы историков к данной теме и способы их работы с историческими свидетельствами, автор показывает негативные

---

¹ Исследование осуществлено в рамках программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2013–2014 гг. (проект № 12-01-0123).

следствия политической актуальности и процесса герметизации знаний о государстве. Ревизия историографического наследия позволяет автору освободить восприятие темы от созданных в разные времена и в разных условиях «квазиочевидностей». Одновременно обращается внимание на наличие богатого комплекса делопроизводственных документов полицейского ведомства, сохранившихся в государственном архиве. Предлагая неоинституциональный подход к их анализу, автор показывает очевидные и латентные информационные возможности обнаруженных документов. Среди них особенный интерес представляют тексты, в которых зафиксировалась рефлексия жандармских офицеров о профессиональной этике и служебном долге, а также находятся свидетельства конфликтов интересов местной администрации и контролирующей ее деятельность полиции. Оригинальность предлагаемого подхода состоит в том, чтобы исследовать логику создания этих документов, их назначение в полицейском управлении. Предварительные результаты позволяют автору утверждать, что данные свидетельства могут рассказать не только о сфере полномочий и характере работы тайной полиции, но и о способах реализации политической концепции «регулярного, хорошо организованного» государства в России XIX в., о путях самоусовершенствования государственного аппарата.

Ключевые слова: Российская империя, III Отделение СЕИВК, корпус жандармов, модернизация управления.

После событий на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. Собственная Его Императорского Величества канцелярия (СЕИВК) превратилась в орган «ручного» управления страной и неформальной коммуникации между императорской канцелярией и административными ведомствами. При Николае I статус этой институции сильно изменился. До восстания декабристов личная канцелярия не играла политически значимой роли. После 1825 г. каждое отделение обрело функциональную специализацию, а их начальники стали нести личную ответственность перед императором за определенную сферу государственной жизни. Легко было бы предположить, что этот опыт управления хорошо изучен историками. Однако знакомство с исследовательской литературой убеждает в том, что российское интеллектуальное сообщество слабо владеет данной темой. У нас до сих пор нет аналитического осмысления опыта губернского управления Российской империи, и особенно ощущается дефицит знаний о механизмах самоорганизации и самосовершенствования государственного аппарата.

В этой связи использование делопроизводственных материалов органов административного надзора способствовало бы изменению сложившейся исследовательской ситуации. Особую значимость как для политической, так и для социальной истории Российской империи имеют свидетельства о причинах и принципах создания, а также регулирования деятельности III Отделения. Делопроизводственная

документация зафиксировала намерения создателей тайной полиции, содержит вопросники и этические рекомендации жандармским офицерам. Ее изучение подводит к пониманию того, что диагностика состояния административного управления была приоритетной для деятельности наблюдательной полиции.

Деятельность XIX века в истории российской государственности ознаменовался созданием и постоянным совершенствованием полицейских институций. Так, с 1810 по 1819 г. в империи существовало специальное министерство полиции, а в 1826 г. было учреждено III Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии [ПСЗРИ-2, № 449]. Замысел создания «наблюдательной полиции» заключался в выведении российской жандармерии из министерской исполнительной системы. Предполагалось, что это обеспечит ей объективность в оценках и суждениях. Подчиняясь лично императору, политическая полиция находилась за пределами правительственного и ведомственного давления. В 1880 г. III Отделение СЕИВК было реорганизовано в Департамент полиции, который просуществовал до 1917 г.

Даже этот краткий обзор показывает, что на протяжении всего XIX столетия верховная власть искала оптимальную форму ведения полицейского наблюдения, и прежде всего за государственным аппаратом. Были ли эти институциональные реформы результатом личных инициатив, государственной модернизации или реакцией на социальные вызовы? Насколько они соответствовали тогдашним теориям общественного порядка или политического развития? Возможны ли у полицейских учреждений механизмы самоорганизации, подобные врачебным или юридическим профессиям?

Указанные вопросы обсуждаются исследователями в двух контекстах: с одной стороны, в связи с изучением истории и теории полицейского государства в Европе [Polizeiwissenschaft; Полицейский порядок; Овченко], а с другой стороны, в связи с концепциями политической власти в Российской империи. Во втором случае особый интерес вызывает тема адаптации идей французского *surveillance* и политической утопии просвещенного правительства. Цель данной статьи – выявить состояние историографического задела в изучении административного потенциала III Отделения и его зависимость от разработки архивных свидетельств.

Что и как прочитывали исследователи

Исследовательская судьба практически всех дореволюционных институтов власти во многом схожа. В советское время «буржуазные учреждения» были не интересны, за исключением, пожалуй, «наблюдательной полиции». Этот институт давал аргументы в пользу вековой истории борьбы царского правительства с революционными идеями. Впрочем, трактовка деятельности III Отделения как

карательного учреждения не была изобретением советского времени. Примерно на рубеже XIX–XX вв., в период радикальных политических размежеваний, оценки деятельности III Отделения стали проникать в научную литературу. В этот период ведомству А. Х. Бенкендорфа стали приписывать черты душителя и гонителя всех прогрессивных сил. III Отделение олицетворяло негативные стороны жизни николаевской России. И если во времена А. С. Пушкина интеллектуалы иронично ассоциировали детище графа Бенкендорфа с цветом пламени «жжёнки», то в конце 1880-х гг. его ведомство именовали не иначе как сборище «синих скотов». В подобной обстановке трудно представить появление серьезного и непредвзятого исследования. И не удивительно, что после 1917 г. в научной литературе стала преобладать тенденция изучать карательные действия III Отделения в ущерб всем другим направлениям его деятельности. Порицалось все, что касалось царской охранки. Постепенно в литературе исчезла разница, стерлась грань между этими институтами, их функциями и направленностью. Историки игнорировали причины замены одного другим. И даже в работах современных исследователей встречаются случаи их отождествления. Такое искусственное ограничение значения политической полиции стало преодолеваться лишь в последние годы [Иванцов; Макарова].

В начале XX в. источниковая и апологетическая ограниченность российских «государственников», отчасти объяснимая цензурным гнетом, «канцелярской тайной», запретами на изучение, стала преодолеваться в трудах историков. Одним из первых, кто специально обратился к функциям императорского секретариата, был Ю. В. Готьё – специалист по истории областного управления XVIII в. Изучив характер делопроизводственных материалов СЕИВК, он пришел к выводу, что посредством личной канцелярии осуществлялось управление всей страной [Готьё, с. 346]. Через сорок лет в работах Н. П. Ерошкина можно обнаружить почти зашифрованную, очень краткую характеристику функциональности личной канцелярии императора. Смысл ее сводился к утверждению, что при Николае I это учреждение превращается в правительственный орган, наделенный самыми широкими полномочиями, и что между его отделениями существовала глубокая внутренняя связь [Ерошкин, 1968; Ерошкин, 1981]. И если у дореволюционных исследователей российской государственности отсутствовала традиция комплексного рассмотрения всех структурных частей этого ведомства, в работах Н. П. Ерошкина она была заявлена, но не реализована. Его заслуга заключалась в продвижении тематики полицейских исследований среди своих учеников, поскольку без ее разработки невозможно было исследовать революционное движение в России. Благодаря этой установке архив политической полиции стал активно осваиваться советскими историками.

Но настоящим прорывом в интересующем нас направлении стала книга финского исследователя П. Мустонена [Мустонен], второй под-

заголовок которой – «К типологии основ имперского управления» – указывает на оригинальность исследовательского толкования значимости данного надведомственного учреждения. В этой книге впервые обосновывалась трансформация императорского секретариата в общегосударственный орган в области гражданского управления, предпринималась попытка комплексного анализа компетенций всех отделений СЕИВК на фоне проводимых административных реформ Российской империи. Исследовательский импульс был задан активным освоением делопроизводственных материалов всех отделений. После выхода этой книги история каждого отделения стала обраться собственной исследовательской литературой. Попытаемся выявить в исследовательской литературе изучение административного ресурса III Отделения, поскольку делопроизводство тайной полиции на момент своего создания и в последующее десятилетие свидетельствует в пользу участия российских жандармов в разрешении административных проблем губернского управления.

Впервые архив III Отделения стал объектом основательного изучения в диссертационном исследовании ученицы П. А. Зайончковского Т. Г. Деревниной «III отделение и его место в системе государственного строя абсолютной монархии в России» (1973). Обращение к этой теме, по-видимому, оказалось не случайным, ведь Петр Андреевич был учеником В. Ю. Готье. В данном случае можно говорить о преемственности подходов к этой теме. Вводимый впервые в научный оборот пласт архивных материалов позволил Т. Г. Деревниной реконструировать институциональные контуры «высшей полиции», прописать объем ее полномочий. В итоге она приходит к очень важному открытию: российские жандармы занимались не только политическим сыском, они сконцентрировали «в своих руках ряд отраслей государственного управления, подменив, по существу, некоторые министерства» [Деревнина, с. 63]. Практически все исследователи, которые после Т. Г. Деревниной занимались делопроизводством III Отделения, с завидным постоянством ссылались на текст ее неопубликованной диссертации, отдавая дань ее трудам и подтверждая в своих работах многие ее находки. Позднее появились работы И. В. Оржеховского, И. М. Троцкого [Оржеховский; Троцкий]. В них раскрывались различные аспекты устройства и деятельности «высшей полиции» с момента ее создания и до ликвидации в 1880 г., но специальных исследований по интересующей нас проблематике в советское время так и не появилось.

Зарубежные историки приступили к освоению истории тайной полиции Николая I примерно с 1960-х гг. Их участие позволило уйти от идеологически заданной интерпретации этой темы [Monas], использовать ее компаративистские возможности [Squire; Emsley], продемонстрировать многосложность уровней коммуникационных каналов [Lincoln], изучить истоки проникновения жандармерии в Россию [LeDonne]. В этой связи стоит отметить, что Сидни Монас дал блестя-

щий анализ деятельности политических органов в правление Николая I. Рассуждая о различиях в интерпретации понятия «полиция», он уделил особое внимание как общеевропейскому контексту, так и конкретному пониманию института полиции в камералистике и в рамках концепции правового государства [Monas, p. 22–23, 294]. Конечно, в те годы зарубежные историки не имели свободного доступа к архивным материалам III Отделения. Они могли работать лишь с опубликованными источниками. Со временем их взгляды и подходы в оценках российской жандармерии стали проникать в отечественную науку.

В начале 1990-х гг., во времена перестройки, отечественные историки освоили функционалистский подход, реализуемый сквозь призму поиска эффективного государственного управления в условиях этнического и культурного разнообразия. По интересующей нас проблематике большинство исследователей сосредоточили внимание на изучении политической деятельности А. Х. Бенкендорфа и его влияния на решения императора. Вначале это были небольшие статьи [Рац; Экштут]. Затем появились монографические исследования. Значительных результатов достигли работы, ориентированные на личностный срез институциональной истории наблюдательной полиции [Чукарев; Тарасов; Бибииков; Олейников]. Современные авторы стремятся выявить связующие механизмы между деятельностью политической полиции и решениями правительства, изучить влияние этого ведомства на позицию императора [Порох, Рослякова; Абакумов].

При этом деятельность подчиненных III Отделению жандармов, то есть рутинная повседневность политической полиции, до сих пор остается темой малоизученной. Обойденной исследовательским вниманием оказалась история Корпуса жандармских штаб-офицеров, механизмы его внутриинституциональных взаимоотношений. В литературе встречается смешение полномочий жандармских штаб-офицеров и командиров жандармских команд. Только благодаря развитию региональных исследований институтов власти появилось представление о корректирующей роли жандармских офицеров в имперском управлении [Романов; Бикташева]. В силу того что, как правило, это периферийный сюжет для региональных историков, а также по причине скудости региональных архивов на свидетельства общей политики у нас до сих пор нет четкого понимания, чем занималась российская жандармерия в губерниях, какими были полномочия жандармских офицеров, как они справлялись с ними.

Между тем информационный ресурс донесений, должностных записок губернских штаб-офицеров свидетельствует об их активном включении в модернизацию губернского управления. Продвижению локальных исследовательских намерений на общероссийский уровень способствует богатейший архив Корпуса жандармов, отложившийся в Государственном архиве Российской Федерации. С момента создания Корпуса жандармов [ПСЗРИ-2, № 1062] его штаб-офицеры стали основными поставщиками разнохарактерных сведений из гу-

бернских городов. С этого времени коммуникативное пространство империи стало наполняться их тайными сводками, которые стекались в единый «наблюдательный центр», находящийся под личной опекой царя. Иными словами, функцию обратной связи с обществом и местными властями начали выполнять сводки жандармских штаб-офицеров. Таким образом, во второй четверти XIX в. негласный рутинный надзор над местной администрацией и общественными настроениями пришел на смену гласному, но спорадическому сенаторскому.

Изменение способов административного контроля и политических установок верховной власти связано не только с личностью императора и его персональными тактиками властвования, но и с опытом изучения и разрешения губернских конфликтов первой четверти XIX в. Очевидные сбои в министерском механизме государственного управления, неэффективность спускаемых по губерниям сенаторских ревизий подвигали верховную власть к ремиссии авторитарных форм местного управления, к замене сенатских разбирательств негласным жандармским наблюдением.

Комплексное изучение жандармского делопроизводства предполагает исследование «исходящих» и «нисходящих» бумаг этого ведомства. Первые, как правило, являются носителями политики, творимой в недрах самого отделения. Местные подразделения в своем служебном доносительстве отражали реалии применения этой политики на практике. В монографии Г. Бибикова «А. Х. Бенкендорф и политика императора Николая I» [Бибиков] административным намерениям III Отделения уделена особая роль. И хотя Корпусу жандармов в ней посвящена всего одна глава, ее автору удалось создать цельное представление об управленческой компетентности губернских штаб-офицеров. Сделано это было во многом благодаря разбору текстов первых инструкций, выдаваемых жандармским штаб-офицерам. Небольшой раздел книги вместил характеристики наиболее ярких корпусных представителей, в нем затронута проблема комплектования жандармских чинов, впервые говорится о технологиях создания «положительного образа» жандармского ведомства. Заявленный делопроизводственный материал в основном освещает штабные проблемы, но созданный автором исследовательский задел позволяет апробировать его на материале местных подразделений, используя возможности региональных архивов.

В книгах ульяновского историка В. В. Романова читателю предложены две исследовательские оптики. Первая его монография посвящена основным тенденциям развития политической полиции за 1826–1860 гг. [Романов, 2007], вторая – формам и основным направлениям деятельности местных подразделений [Романов, 2008]. В качестве исследовательской модели избраны поволжские губернии. Достоинством обеих книг является наличие в них масштабной проработки местных и столичных архивных материалов. Изложение

форм и основных направлений деятельности Корпуса жандармов подается с позиций структурно-функционального подхода. Однако такая структурированная подача деятельности жандармских штаб-офицеров, ограниченная рамками официальной документации, не позволяет раскрыть мотивы и причины принятия тех или иных административных решений, а главное, показать, как они реализовывались на местах. Исследовательская канва сужается чередой примеров многообразия деятельности жандармских офицеров на губернском уровне, но при этом механизмы и технологии апробации спускаемых III Отделением политических и административных программ остаются не затронутыми. К примеру, комментируя приказ по Корпусу за № 278 от 8 февраля 1832 г. [Романов, 2008, с. 18–19], автор приводит свидетельства взаимоотношений ряда губернаторов с жандармским штаб-офицером 5-го округа, но делает это лишь для того, чтобы «проследить изменения профилактической деятельности» жандармов. При этом упускается существенный момент из жизни «начальствующих лиц». Причина же изменений во взаимоотношениях губернаторов с жандармскими наблюдателями видится в перекрое компетенций между Министерством внутренних дел и III Отделением, произошедшем после увольнения министра внутренних дел А. А. Закревского, который активно сопротивлялся проникновению жандармов в сферу исполнительных органов власти. И таких сюжетов, когда за нагромождением локальных казусов нельзя разглядеть «высокой» политики, в книге немало.

Трудности освоения административной составляющей в деятельности губернских жандармских подразделений можно пояснить малоизученностью местных административных практик, отсутствием работ по участию жандармских штаб-офицеров в саморегулируемых процессах имперского управления. В целом же изучение деятельности подразделений Корпуса жандармов остается на стадии разрозненных эмпирических представлений.

Скрытые возможности полицейского делопроизводства

Вместе с тем прочтение жандармских делопроизводственных текстов позволяет заключить, что с момента своего создания «наблюдательная» полиция осуществляла тайное наблюдение за административными органами, делала диагностические выводы. Источниковой основой для этого служат документы III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации [ГАРФ, ф. 109, 110]. Действенность и эффективность этой экспертизы ждет своего специального изучения. Примечательно, что самые первые свои рапорты и донесения губернские штаб-офицеры начинали словами «о состоянии управления...».

Прежде всего ведомство А. Х. Бенкендорфа интересовало «состояние управления» в тех губерниях, в которых при Александре I проводились тотальные ревизии Сената. Теперь при назначении новых ревизий в состав ревизоров стали включать по одному жандармскому офицеру. И если в первых инструкциях III Отделения прописывалось, что жандармы не должны вторгаться в компетенции органов исполнительной власти, на деле их присутствие и опосредованное участие в губернском управлении стали замечать сами губернаторы. Отсюда поток их обоснованных жалоб на имя министра внутренних дел. Подобные конфликты разрешались по-разному. Сводки и донесения жандармских штаб-офицеров полны свидетельств осмысления собственных служебных полномочий. Вот мнение одного из них: «Корпус жандармов не разделяет никакой власти, ни от кого не отнимает ее; он вспомогательное средство для всех других частей; он член всех мест управления; он принадлежит всем министерствам. Наблюдательное учреждение не оскорбляет благонамеренных... Вот необходимые убеждения для лиц заблуждающихся насчет корпуса жандармов» [ГАРФ, ф. 110, оп. 2, д. 221, л. 70 с.]. Архивные материалы предоставляют возможность услышать голоса людей этого ведомства, сделать их участниками диалога об их предназначении.

Интерес вызывают самые первые документы, отложившиеся в «секретном архиве» тайной полиции [ГАРФ, ф. 109, оп. 3а]. Большая часть бумаг написана по-французски. Их язык, подзаголовки и содержание позволяют говорить, что здесь аккумулировалось секретное в «секретном». Это разного рода проекты, записки и мнения, направленные на имя шефа жандармов. Похоже, что отдельные тексты писались по его личной просьбе. В них содержатся оценка современного управления Российской империи, причины его кризиса или неудовлетворительного состояния, а также меры к его совершенствованию силами и возможностями наблюдательной полиции.

Известно, что шеф жандармов посещал заседания различных комитетов и комиссий, в частности комитета 6 декабря 1826 г., где выработывалась будущая модель губернского управления. Из дошедших до нас документов видно, что А. Х. Бенкендорф обращался к генерал-губернаторам внутренних губерний с вопросом о целесообразности сохранения наместнического управления в европейской части России. Его осведомленность на разных этапах выработки местных реформ подтверждается отдельными сохранившимися документами, такими как, например, «Мнение генерал-губернатора Балашова о пользе военных губернаторов» [ГАРФ, ф. 109, оп. 3а, д. 287]. Думается, и к другим комитетам николаевского времени шеф жандармов также не оставался безучастным. Расширение жандармских территориальных округов, распространение этой службы в Царстве Польском (после восстания 1830 г.), в Закавказье и Финляндии продемонстрировало участие российских жандармов в выработке новой модели управления окраинными территориями Российской империи.

И последнее: с появлением III Отделения кадровые вопросы постепенно переместились в сферу его компетенций. Отныне в этом ведомстве аккумулировались сведения практически на каждого российского чиновника. Влияние жандармов на назначения и увольнения губернаторов стало очевидным даже для современников. Для «чиновного мира» мнение «синих мундиров» было одним из главных факторов продвижения по карьерной лестнице, а кадровая политика – одним из важных рычагов управления.

Все изложенные здесь наблюдения о научном состоянии темы и ее источниковом обеспечении подводят к пониманию ее новизны, актуальности и возможностях глубокого изучения. Думается, что такое исследование позволит переосмыслить сложившееся представление о социальном и модернизационном значении политической полиции в истории Российской империи.

Список литературы

- Абакумов О. Ю.* «...Чтоб нравственная зараза не проникла в наши пределы» : Из истории борьбы III отделения с европейским влиянием в России (1830-е – начало 1860-х гг.). Саратов, 2008. 212 с.
- Бибиков Г. Н. А. Х. Бенкендорф и политика императора Николая I.* М., 2009. 424 с.
- Бикташева А. Н.* Антропология власти: казанские губернаторы первой половины XIX века. М., 2012. С. 373–413.
- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109; Ф. 110.
- Готье Ю. В.* Происхождение собственной е. и. в. канцелярии // Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пб, 1922. С. 346–355.
- Деревнина Т. Г.* III отделение и его место в системе государственного строя абсолютной монархии в России : дис. ... канд. ист. наук. М., 1973. 177 с.
- Ерошкин Н. П.* Крепостное самодержавие и его политические институты. Первая половина XIX века. М., 1981. 252 с.
- Ерошкин Н. П.* Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968. 368 с.
- Иванцов М. Н.* Деятели политического сыска России в отечественной историографии // Вестник РУДН. Серия «История России». 2009. № 6. С. 74–80.
- Макарова Н. В.* Жизнь российских сословий в эпоху правления Николая I (по материалам III Отделения). М., 2012. 393 с.
- Мустонен П.* Собственная Его Императорского Величества канцелярия в механизме властвования института самодержца 1812–1858 гг. : К типологии основ имперского управления. Хельсинки : Aleksanderi inst., 1998. 357 с.
- Овченко Ю. Ф.* Московская охранка на рубеже веков, 1880–1904 гг. М., 2010. 232 с.
- Олейников Д. И.* Бенкендорф. М., 2009. 428 с.
- Олейников Д. И.* Николай I. М., 2012. 339 с.
- Оржеховский И. В.* Самодержавие против революционной России (1826–1880 гг.). М., 1982. 207 с.
- ПСЗРИ-2 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб., 1830–1884. № 449; № 1062.
- Порох В. И., Рослякова О. Б.* III Отделение при Николае I. Саратов, 2010. 238 с.
- Полицейский порядок и ситуативная солидарность: динамика взаимодействия и трансформаций : Проект в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hse.ru/org/projects/79579505>.
- Рац Д. В.* «Отрицательно – добрый человек» // Факел. Историко-революционный альманах. М., 1990. С. 42–57.
- Романов В. В.* Политическая полиция Российской империи 1826–1860 гг.: основные тенденции и развитие. Ульяновск, 2007. 559 с.

- Романов В. В. Подразделения политической полиции в Поволжских губерниях в 1826–1860 гг.: формы и основные направления деятельности. Ульяновск, 2008. 270 с.
- Тарасов Б. Н. Николай Первый – рыцарь самодержавия. М., 2007. 513 с.
- Троцкий И. М. Третье отделение при Николае I. Л., 1990. 318 с.
- Чукарев А. Г. Тайная полиция Николая I (1826–1855) : в 2 т. Ярославль, 2003. Т. 1. 261 с.; Т. 2. 291 с.
- Экштут С. А. На службе российскому Левиафану. Исторические опыты. М., 1998. 328 с.
- Emsley C. Gendarmes and the State in Nineteenth-Century Europe. Oxford, 1999. 288 p.
- LeDonne J. P. Absolutism and ruling class: the formation of the Russian political order, 1700–1825. New York : Oxford University Press, 1991. 376 p.
- Lincoln W. B. Nicolas I. Emperor and Autocrat of All Russians. London, 1978. 424 p.
- Monas S. The Third Section. Police and Society in Russia under Nicholas I. Harvard, 1961. 354 p.
- Polizeiwissenschaft in Deutschland // Polizeiwissenschaft 1 / hrsg. M. Möllers, R. van Ooyen. Frankfurt, 2013. S. 111–146.
- Squire P. S. The Third Department. The establishment and practices of the political police in the Russia of Nicholas I. Cambridge, 1968. 272 p.

References

- Abakumov, O. Yu. (2008). «...*Chtob npravstvennaya zaraza ne pronikla v nashi predely*»: *Iz istorii bor'by III otdeleniya s evropejskim vliyaniem v Rossii (1830-e – nachalo 1860-h gg.)* [Preventing the Withering of Morals from Reaching Our Lands: On the History of the Third Section's Fight with European Influence in Russia (1830s – Early 1860s)]. 212 p. Saratov.
- Bibikov, G. N. (2009). *A. H. Benkendorfi politika imperatora Nikolaya I* [A. H. Benckendorff and the Policy of Emperor Nicholas I]. 424 p. Moscow.
- Biktasheva, A. N. (2012). *Antropologiya vlasti: kazanskie gubernatory' pervoj poloviny' XIX veka* [The Anthropology of Power: Kazan Governors of the 1st Half of the 19th Century] (pp. 373–413). Moscow.
- Gosudarstvenny'j arhiv Rossijskoj Federacii* [State Archive of the Russian Federation]. F. 109; F. 110.
- Got'e, Yu. V. (1922). Proishozhdenie sobstvennoj e. i. v. kancelyarii [The Establishment of H. I. M. Own Chancery]. In *Sbornik statej po russkoj istorii, posvyashhenny'h S. F. Platonovu* (pp. 346–355). Petrograd.
- Derevnina, T. G. (1973). *III otdelenie i ego mesto v sisteme gosudarstvennogo stroya absolyutnoj monarhii v Rossii* [The Third Section and Its Role in the System of Absolute Monarchy in Russia: PhD Thesis]. 177 p. Moscow.
- Eroshkin, N. P. (1981). *Krepostnoe samoderzhavie i ego politicheskie instituty'. Pervaya polovina XIX veka* [Serfdom Autocracy and Its Political Institutions: 1st Half of the 19th Century]. 252 p. Moscow.
- Eroshkin, N. P. (1968). *Ocherki istorii gosudarstvenny'h uchrezhdenij dorevolucionnoj Rossii* [Essays on the History of Public Institutions of Pre-Revolutionary Russia]. 368 p. Moscow.
- Ivanczov, M. N. (2009). Deyateli politicheskogo sy'ska Rossii v otechestvennoj istoriografii [Political Investigators of Russia in National Historiography], *Vestnik RUDN. Seriya «Istoriya Rossii»*, 6, pp. 74–80.
- Makarova, N. V. (2012). *Zhizn' rossijskih soslovij v e'pohu pravleniya Nikolaya I (po materialam III Otdeleniya)* [The Life of Russian Social Classes during the Reign of Nicholas I (with Reference to the Third Section)]. 393 p. Moscow.
- Mustonen, P. (1998). *Sobstvennaya Ego Imperatorskogo Velichestva kancelyariya v mehanizme vlastvovaniya instituta samoderzhca 1812–1858 gg.: K tipologii osnov imper-skogo upravleniya* [His Imperial Majesty's Own Chancery in the Mechanism of the Autocrat's Ruling Institution in 1812–1858: On the Typology of Imperial Rule Foundations]. 357 p. Helsinki, Aleksanderi inst.

- Chukarev, A. G. (2003). *Tajnaya policiya Nikolaya I (1826–1855)* [The Secret Police of Nicholas I (1826–1855)] (in 2 vols.). Yaroslavl.
- E'kshtut, S. A. (1998). *Na sluzhbe rossijskomu Levafanu. Istoricheskie opy'ty'* [Serving the Russian Leviathan. Historical Experiences]. 328 p. Moscow.
- Emsley, C. (1999). *Gendarmes and the State in Nineteenth-Century Europe*. Oxford.
- LeDonne, J. P. (1991). *Absolutism and ruling class: the formation of the Russian political order, 1700–1825*. New York, Oxford University Press.
- Lincoln, W. B. (1978). *Nicolas I. Emperor and Autocrat of All Russians*. London.
- Monas, S. (1961). *The Third Section. Police and Society in Russia under Nicholas I*. Harvard.
- Möllers, M. & Ooyen, R. van. (Eds.) (2013). *Polizeiwissenschaft in Deutschland [Polizeiwissenschaft in Germany]*. In *Polizeiwissenschaft 1* (pp. 111–146). Frankfurt.
- Olejnikov, D. I. (2009). *Benkendorf* [Benckendorff]. 428 p. Moscow.
- Olejnikov, D. I. (2012). *Nikolaj I* [Nicholas I]. 339 p. Moscow.
- Orzhehovskij, I. V. (1982). *Samoderzhavie protiv revolyucionnoj Rossii (1826–1880 gg.)* [Autocracy against Revolutionary Russia (1826–1880)]. 207 p. Moscow.
- Ovchenko, Yu. F. (2010). *Moskovskaya ohranka narubezhe vekov, 1880–1904 gg.* [Moscow Guard Department at the Turn of the 20th Century, 1880–1904]. 232 p. Moscow.
- Policejskij poryadok i situativnaya solidarnost': dinamika vzaimodejstviya i transformacij: Proekt v ramkah Programmy' fundamental'ny'h issledovanij NIU VShE' v 2013 g.* [Police Order and the Situation of Solidarity: The Dynamics of Interaction and Transformation: A Project within the Programme of Fundamental Studies of National Research University, Higher School of Economics in 2013]. Available at: <http://www.hse.ru/org/projects/79579505>.
- Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie 2* [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 2]. (1830–1884). Saint Petersburg.
- Poroh, V. I. & Roslyakova, O. B. (2010). *III Otdelenie pri Nikolae I* [The Section during Nicholas I's Reign]. 238 p. Saratov.
- Racz, D. V. (1990). «Otriczatel'no – dobryj' chelovek» [A Negatively Kind Man]. In *Fakel. Istoriko-revoljucionnyj al'manah* (pp. 42–57). Moscow.
- Romanov, V.V. (2007). *Politicheskaya policiya Rossijskoj imperii 1826–1860 gg.: osnovny'e tendencii i razvitie* [The Political Police of the Russian Empire between 1826 and 1860: Main Tendencies and Development]. 559 p. Ulyanovsk.
- Romanov, V. V. (2008). *Podrazdeleniya politicheskoi policii v Povolzhskih guberniyah v 1826–1860 gg.: formy' i osnovny'e napravleniya deyatel'nosti* [Political Police Units in Volga Region Governorates between 1826 and 1860: Forms and Main Directions of Activity]. 270 p. Ulyanovsk.
- Squire, P. S. (1968). *The Third Department. The establishment and practices of the political police in the Russia of Nicholas I*. Cambridge.
- Tarasov, B. N. (2007). *Nikolaj Pervyj – ry'czar' samoderzhaviya* [Nicholas the First – The Knight of Autocracy]. 513 p. Moscow.
- Troczkij, I. M. (1990). *Tret'e otdelenie pri Nikolae I* [The Third Section under Nicholas I]. 318 p. Leningrad.

The article was submitted on 06.04.2015

Алсу Назимовна Бикташева,
 профессор, Национальный
 исследовательский университет
 «Высшая школа экономики»,
 Москва, Россия
 biktashi@mail.ru

Alsu Biktasheva,
 Professor,
 National Research University –
 Higher School of Economics,
 Moscow, Russia
 biktashi@mail.ru